

А.Е. Масалов

ORCID: 0000-0002-2985-1170

Орел, Россия

E-mail: uchkuduk202@gmail.com

УДК 821.161.1-1(Еременко А.)

DOI 10.26170/ufv19-03-12

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАБОЛЫ В МЕТАРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ЕРЕМЕНКО

Аннотация. Поэзия Александра Еременко тяготеет к различным творческим методам: метареализму, концептуализму, иронизму. В метареализме основным способом создания словесного образа является метабола. В статье анализируется функция и семантика данного типа тропа в метареалистических произведениях А. Еременко. Так, в ряде стихотворений посредством метаболы выражается трагизм. Гротескные образы в них отражают хаос действительности, отчужденность лирического героя от родных мест. В других текстах метабола становится средством создания саркастической интонации. Для этих текстов характерно представление пронизанного идеологией мира как разрозненной, «несоизмеримой» вселенной. Сочетание в них метареалистических и концептуалистских приемов, метаболы и тавтологии является продуктивным способом выражения иронии над социалистической наукой, архитектурой и другими идеологическими штампами. Однако «третий троп» может передавать не только трагизм или сарказм, но и медитативное настроение. Пособием метаболы изображается «одомашненный хаос», который выражает принятие автором «несоизмеримой» действительности. Поэтому в этих стихотворениях синтез природного и технологического показывает не «уродство» реальности, а её своеобразную красоту. Таким образом, метареалистическая поэзия А. Еременко построена на гротескных метаболах, отражающих и отчуждение и насмешку, и иронию и принятие.

Ключевые слова: метареализм, концептуализм, метабола, метареалистическая поэзия, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

A.E. Masalov

Orel, Russia

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF METABOLA IN METAREALISTIC POETRY OF ALEXANDER EREMENKO

Abstract. Poetry of Alexander Eremenko strives for various creative methods, such as metarealism, conceptualism, ironism. In metarealism metabola is the main

way of creation of a verbal image. In this article the author analyses function and semantic of this type of trope in the metarealistic works of A. Eremanko. So, in a number of texts by use of metabola poet expresses a tragic irony. The grotesque images reflect chaos of the reality, estrangement of the lyrical hero from native places. In other poems metabola creates a sarcastic intonation. These texts are characterized by representation of the world penetrated by ideology as the separate, incommensurable Universe. The combination of metarealistic and conceptualistic receptions, metabolas and tautologies, is a productive way of expression of mockery at socialist science, architecture and other ideological stamps in them. But «the third trope» can transmit not only tragic irony or sarcasm, but also meditative mood. The poet uses metabola to represent «the cultivated chaos», which express acceptance of incommensurable reality by the author. Because of it in these poems synthesis of natural and technological shows not «ugliness» of reality, but its peculiar beauty. Thus, metarealistic poetry of A. Eremanko is constructed on the grotesque metabolas, which reflect both estrangement and mockery, and irony and acceptance.

Keywords: metarealism, conceptualism, metaball, mathematical realistic poetry, Russian poetry, Russian poets, poetry.

В современном поэтическом дискурсе поэзия А. Еременко занимает промежуточное положение между метареализмом, концептуализмом и иронизмом. П.А. Ковалев, исследуя ритмическую, рифменную и графическую организацию текстов поэта, называет его творческий метод «концептуальным метареализмом», подчеркивая, что «само его творчество имеет в себе несколько областей влияния» [Ковалев 2013: 150]. Подобных взглядов придерживаются и другие исследователи [см.: Курицын 1991; Северская 2007; Скоропанова 2007; Токарев 2016; Эпштейн 2005].

Поэтому наиболее объективным видится анализ поэзии А. Еременко, исходящий из того, к каким поэтическим средствам он обращается в конкретном тексте. Для исследования его метареалистических текстов необходимо обращение к понятию «метаболы», под которым понимается особый тип тропа, апологию которого М.Н. Эпштейн начинает с анализа стихотворения именно А. Еременко «В густых металлургических лесах» [Эпштейн 2005: 154]. Предпринятый нами анализ этого и других метареалистических текстов подтверждает теоретические положения М.Н. Эпштейна [см.: Масалов 2016; Масалов 2017].

Под метаболой в современном литературоведении понимается такой тип контаминирующего тропа, в котором за счет механизма реализации метафоры могут возникать отношения синкретизма, синтеза и тождества разнородных явлений [см.: Парщиков 2006: 28; Северская 2007: 65; Аристов 2012; Зейферт 2016; Масалов 2017; Масалов 2018]. Структура метаболического образа, введенная М. Н. Эпштейном, выглядит так:

Свой творческий метод А. Еременко определяет как «синтез поэзии, философии и науки» [Еременко 2013: 285]. Кроме того, как вспоминал А. Парщиков: «В первой половине 70-х Еременко декларировал возможность единого языка для науки и искусства (для начала – не столько языка, сколько лексики) в поэзии и "выдал" тексты, содержащие образы тождеств, аннигиляций, ведущих к бесконечности» [Парщиков 2006: 31]. И А. Еременко, и его коллеги по «поэтическому цеху» отмечают синтез и тождество как основу образной системы поэта. В силу этого можно говорить об осознанном использовании метаболических образов А. Еременко в своих метареалистических стихотворениях, анализу которых посвящена данная статья.

Среди текстов А. Еременко, которые можно считать бесспорно метареалистическими, выделяется стихотворение «Изначальный образ», в котором мир описывается как таинственное геометрическое построение, где «вечно несоизмеримы диагональ и сторона» [Еременко 2013: 75]. Прилагательное «несоизмеримый», согласно словарю Д.Н. Ушакова, означает «не имеющий ничего общего с чем-н. другим, не подлежащий никакому сравнению» [Ушаков]. Именно в изображении «несоизмеримой» вселенной, в гротескном нагромождении не имеющих ничего общего между собой объектов заключается специфика творческого метода А. Еременко. Это подтверждается словами М.Н. Эпштейна, который считает, что «в отличие от Парщикова и Кутика, которые как бы сращивают, сглаживают стилистические диссонансы высокого и низкого, природного и технического, духовного и бытового, сводя их в пространство всеобъемлющего, "многоочитого" видения, Еременко заостряет эти контрасты, выявляя несводимость разных планов бытия, швы и зазоры между ними» [Эпштейн 2005: 160].

Реальность, а если точнее – метареальность, в данном стихотворении предстает как «несоизмеримость» диагоналей, сторон, где гений уже, как выражается автор, «не помнит ни хрена», и вся вселенная будто свалена в кучу, как снег с его вечно меняющимся направлением. Интересна в данном тексте метабола «сатана из углублений готовален». Собственно, готовальня – это коробка с набором чертёжных инструментов: здесь в метаболический синтез вступает объект из технологического мира. Мир чертежей и готовален становится причастен миру мифологическому, темному, inferнальному, отражая хаос действительности. Структуру данного образа можно представить так:

(инфернальный мир) ↔ сатана из углублений готовален ↔ (техногенный мир)

В стихотворении «Отрывок из поэмы» («Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема») также видится заявленное М. Н. Эпштейном гротескное сочетание природного и техногенного:

Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема.

Шелестит по краям и приходит в негодность листва.

*Вдоль дороги пустой провисает неслышная лемма
телеграфных прямых, от которых болит голова*

[Еременко 2013: 59].

В данном случае поэт использует метаболу с целью создания напряжённой психологической атмосферы, как считает А. А. Токарев, «попарно совмещая объект и действие “природного” и технического концептов» [Токарев 2016: 49]. Структурные единицы метабола ((природный мир) ↔ осыпается схема ↔ (техногенный мир) и (техногенный мир) ↔ приходит в негодность листва ↔ (природный мир)) контаминируют с эпитетами с семантикой пустоты, бессмысленности.

В следующих строках разворачивается метабола «провисает неслышная лемма телеграфных прямых». Лемма – «в математике вспомогательное предположение, теорема, которые употребляются при доказательстве одной или нескольких теорем» [Ожегов]. В данном случае «телеграфные прямые», линии связи воспринимаются и как геометрические фигуры, причем имеющие свое теоретическое обоснование, которое, однако, «провисает», т. е. прогибается под действием тяжести, собственного веса. Данный синтетический образ (лемма ↔ провисать ↔ телеграфные прямые), рисуется поэтом ведущим лишь к головной боли и «нарушению длинных связей», отраженному в следующей строфе:

*Разрушается воздух. Нарушаются длинные связи
между контуром и неудавшимся смыслом цветка.*

*И сама под себя наугад заползает река
и потом шелестит, и они совпадают по фазе*

[Еременко 2013: 59].

Анализируя данную строфу, А. А. Токарев высказывает предположение, что «образ разрушающегося, но в то же время “совпадающего по фазе” мира оказывается достаточно логичным именно в метареалистической оптике» [Токарев 2016: 49], т. е. отношения синтеза отражаются в диалектических единстве и борьбе созидания и разрушения. Однако нарушение связей между формой и содержанием, «контуром и неудавшимся смыслом цветка», также хаотичность движения реки,

шелест говорит о тяготении к драматичному осознанию подобного «совпадения по фазе». Примечательно, что в данной строфе поэт снова обращается к терминологии точных наук, что оправдывается, с одной стороны, стремлением поэта к единому языку для науки и искусства, о котором говорилось выше, а с другой – попыткой выразить чрезмерную механистичность окружающего мира. В следующей строфе картина усугубляется:

*Электрический ветер завязан пустыми узлами,
и на красной земле, если срезать поверхностный слой,
корабельные сосны привинчены снизу болтами
с покосившейся шляпкой и забившейся глиной резьбой*
[Еременко 2013: 59].

Каскад метаболических образов в данной строфе отражает искусственность мира, где «электрический ветер», нарушая законы физики, оказывается «завязан пустыми узлами», а естественное начало оказывается лишь «привинченным болтами». Примечательны эпитеты, используемые поэтом для раскрытия подобной ситуации: болты – «с покосившейся шляпкой», узлы – «пустые». Если структура метаболы в первой строке представляется полной (ветер ↔ завязать ↔ узлы), то образ «корабельных сосен», который А.А. Токарев склонен считать метафорическим [Токарев 2016: 50], все же является метаболой, хотя и структурно неполной [см.: Масалов 2016] – ((природный мир) ↔ сосны привинчены ↔ (техногенный мир)), образованной при помощи соединения субъекта и предиката из различных пластов реальности.

В следующих строфах центром внимания становится не гротескный пейзаж, а рефлексия лирического героя:

*И как только в окне два ряда отштампованных елок
пролетят, я увижу: у речки на правом боку
в непролазной грязи шевелится рабочий поселок
и кирпичный заводик с малюсенькой дыркой в боку.*

*Что с того, что я не был там только одиннадцать лет?
За дорогой осенний лесок так же чист и подробен.
В нем осталась дыра на том месте, где Колька Жадобин
у ночного костра мне отлил из свинца пистолет*
[Еременко 2013: 59].

«Осенний лесок» из воспоминаний лирического героя противопоставляется лесу «отштампованных елок», родина его остается неизменной. С одной стороны, данные строки могут выражать «чувство самостояния, суверенности родного мира по отношению к холодным

законам разрушения» [Липовецкий 2013: 354], как говорит об этом М. Липовецкий. Однако с другой, здесь скорее выражается чувство скуки и отчужденности, которое прогрессирует в следующей строфе:

*Там жена моя вяжет на длинном и скучном диване.
Там невеста моя на пустом табурете сидит.
Там бредет моя мать то по грудь, то по пояс в тумане,
и в окошко мой внук сквозь разрушенный воздух глядит*
[Еременко 2013: 59].

Эпитеты «скучный», «пустой» окружают предметы, связанные с женой и невестой лирического героя, причем, совмещая эти образы в двух подряд строках, поэт нарушает не только линейный хронотоп, но и создает абсурдность складывающейся ситуации. Образ матери героя связан с туманом, символом «неопределенности вещей» [Керлот 1994: 525]. И внук в окне видит мир лишь через «разрушенный воздух». Примечательно, что за счет анафор в данной строфе выстраивается своеобразная вертикаль (жена – невеста – мать), усугубляющая чувство отчужденности, бессмысленности. Предела абсурдности данная ситуация достигает в финальных строках:

*Я там умер вчера. И до ужаса слышно мне было,
как по твердой дороге рабочая лошадь прошла,
и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила,
лошадиная сила вращалась, как бензопила*
[Еременко 2013: 60].

И родной мир не становится выходом из абсурдной, искусственной действительности. Как в предыдущих строфах рабочий поселок связан с «непролазной грязью», так и рабочая лошадь вызывает «ужас». Особого внимания заслуживает метабола, которой завершается стихотворение:

лошадиная сила ↔ вращаться ↔ бензопила

Здесь естественнонаучное понятие – единица измерения мощности – переходит в конкретную характеристику «рабочей лошади», а также метафоризируется за счет предиката «вращалась», однако контаминация данного образа со сравнением «как бензопила» порождает метаболический синкретизм.

Таким образом, в данном тексте за счет структурно полных и неполных метаболических образов выражается гротескный, хаотический мир, трагизм которого заключается в скуке и запустении даже родных для лирического героя мест.

В противоположном, комическом ключе абсурдность реальности, нагромождение «идеологических штампов» раскрываются в стихотворении «Дума (ненидерландские пословицы)»:

Лимон – сейсмограф солнечной системы.

Поля в припадке бешеной клубники.

Дрожит пчела, пробитая навyleт,

и яблоко осеннее кислит

[Еременко 2013: 96].

Здесь поэт объединяет земное и вселенское, фрукт и солнечную систему, посредством введения медиатора «сейсмограф» (прибор для записи колебаний земной поверхности). В этом стихотворении высмеивается чрезмерная теоретизация действительности и научный аппарат, поэтому и измерительную функцию глобального масштаба начинает выполнять отдельный плод, а метаболические образы создают комизм. Структуру же данного образа можно представить следующим образом:

лимон ↔ сейсмограф ↔ солнечная система

Метаболический и лирический субъект стихотворения, пчела, которая «бредет в гремящей стратосфере», при этом нарушая все законы логики и преодолевающая пространственно-временные связи, будто бы наблюдая и в то же время участвуя в этом абсурде реальности:

Она на вкус разводит дуэлянтов,

косит в арифметическом примере

и взадпятки не сходятся с ответом,

копя остаток в кольцах поршневых.

Она нектаром смазана и маслом.

Ее ни дождь не сносит и ни ветер.

Она в бутылку лезет без бутылки

и раскрывает ножик без ножа

[Еременко 2013: 96].

Разрыв пространственно-временного континуума проникает в художественный мир текста:

Вселенная, разъятая на части,

не оставляет места для вопроса.

Две девственницы схожи, как две капли,

а жизнь и смерть – как масло и вода.

В метро пустом, как выпитая чаша,

уже наган прирос к бедру матроса,

и, собирая речь свою по капле,

я повторяю, словно провода...

[Еременко 2013: 97]

Представление пронизанного идеологией мира как разрозненной, «несоизмеримой» вселенной, характерно для многих текстов А. Ерёменко, в том числе и тех, в которых он не использует метареалистические приемы. Здесь же гротескное нагромождение образов одинаковых «девственниц», сравнение жизни и смерти с маслом и водой, а также образ матроса с приросшим к его бедру наганом углубляет критику идеологической составляющей мироздания, так как вся картина состоит из «штампов»: девственность как символ чистоты, жизнь и смерть как клишированная тема, матрос, ассоциирующийся с идеями революции; причем все эти штампы даются в сниженной форме.

Заключительные же строки представляют собой сочетание двух приемов: метаболы и тавтологического концептуального письма, в чем выражается крайняя степень насмешки над окружающей действительностью и социалистическим научным аппаратом, а именно над крайне материалистическим пониманием пространства:

*какой бы раб ни вышел на галеру,
какую бы с нас шкуру ни спускали,
какое бы здесь время ни взбесилось,
какой бы мне портвейн ни поднесли...
в пространстве между пробкой и бутылкой,
в пространстве между костью и собакой,
еще вполне достаточно пространства
в пространстве между ниткой и иглой,
в зазоре между пулей и затылком,
в просторе между телом и рубахой,
где человек идет по кособогору,
укушенный змеей, пчелой...*

[Еременко 2013: 97-98]

Рассуждая о подобной манере поэта, представитель метареалистической школы Владимир Аристов пишет, что «Еременко являет некий крайний уровень очерченного круга поэтов, он отражает и внешний мир в особом “ироничном” контексте. По сути, он строит антиутопию, которая при вхождении в нее оказывается “положительной утопией”, при этом апофатическое отчаяние, которое слышится в этих стихах, позитивно, а стройные конструкции оказываются замыслами безумца» [Аристов 1997].

Такой же поэтической логике следует и стихотворение «Переделкино», которое описывает поселок под Москвой, где расположен дом творчества советских писателей, а также дачи, принадлежащие Литфонду:

*Гальванопластика лесов.
Размешан воздух на ионы.
И переделкинские склоны
смешны, как внутренность часов*
[Еременко 2013: 51].

В. Аристов отмечает, что «в соединении поэтических штампов и технических терминов, которые даны в традиционных (и отчасти цитатных, центонных) образах любования побежденной природой, чувствуется холод металлической отливки или штамповки» [Аристов 1997]. Примечательно, что в данных строках реализуются одновременно несколько метаболов. «Гальванопластика лесов» – типичный для Еременко образ, срашивающий техницизм с природным объектом. Здесь он выполняет функцию создания комизма, так как гальванопластикой называют или процесс получения металлических копий предметов, или продукты этого процесса. Если буквально толковать этот образ, то получается, что переделкинские леса – это лишь копии живого леса на смехотворных склонах. Структуру же данного образа можно представить так:

(техногенный мир) ↔ гальванопластика лесов ↔ (природный мир)

Употребление естественнонаучных терминов в следующей строке добавляет саркастичности, причем изображение воздуха, ионизированного путем размешивания, учитывая, что воздух – смесь газов, нагнетает абсурдность ситуации.

Метабола «переделкинские склоны смешны, как внутренность часов» построена на контаминации сравнения и оксюморона, так как что в склонах, что во внутренностях часов сложно обнаружить что-либо комичное. Данный образ отражает отношение к этому поселку, сложившееся в недрах неофициальной литературы. Возможно, поэтому А. Еременко именно за этот текст был удостоен звания «короля поэтов» [Парщиков 2006: 37]. Если говорить о формальной составляющей данного образа, то он представляет собой структурно полную метаболу:

переделкинские склоны ↔ смешны ↔ внутренность часов

Из этого следует, что в данном образе становятся тождественны дачный поселок литературной элиты и часовой механизм, так как оба вызывают смех своей искусственностью и однообразием, которое описывается в следующих строках:

*На даче спят. Гуляет горький
холодный ветер. Пять часов.*

*У переезда на пригорке
с усов слетела стая сов.
Поднялся вихорь, степь дрогнула.
Непринужденна и светла,
выходит осень из загула,
и сад встает из-за стола.
Она в полях и огородах
разруху чинит и разбой
и в облаках перед народом
идет-бредет сама собой*
[Еременко 2013: 51].

Здесь поэт меняет приемы, с помощью которых высмеивает образ Переделкино. Центоноподобные структуры («классические строки, перемешанные с цитатами из разных авторов при общей метрической природе» [Ковалев 2008: 157]) включают в себя игру со строками из «Руслана и Людмилы», «Баллады» Пастернака, лермонтовских текстов, а завершается текст контаминацией цитат из «Паруса» и «Евгения Онегина»:

*Играет ветер, бьется ставень.
А мачта гнется и скрытит.
А по ночам гуляет Сталин.
Но вреден север для меня!*
[Еременко 2013: 52]

В. Аристов считает, что в данных строках «принцип тотальной пародийности, нагнетания метафор в череде неожиданных и монотонных вместе с тем, «смешных» деталей, создает в сознании призрак некоего скрежещущего механизма; этот конгломерат уродливых сравнений, где все колесики зацеплены, все повязаны, и эклектическая всеобщая цитируемость (в подобие и одновременно в противостояние тоталитарному «сталинскому» архитектурному стилю) рождает ощущение, что нет предела этой мерзости запустения и забвения» [Аристов 1997].

Избранные для анализа тексты построены на сочетании метареалистических и концептуалистских приемов, однако именно метаболическая образность, создающая картины «несоизмеримого» хаоса действительности, высмеивающие её, позволяет отнести данные стихотворения к метареалистическому пласту поэтического дискурса А. Еременко.

Перу Ерёменко принадлежит не так много формально очерченных поэтических циклов, однако, пожалуй, неправильно было бы не упомянуть знаменитый «Невенек сонетов», из которого для подтверждения своих взглядов М.Н. Эпштейн и берет произведение «В густых

металлургических лесах». Здесь же можно найти и другие тексты, в которых обнаруживает себя «третий» троп:

*В лесу осеннем зимний лес увяз.
Как будто их местами поменяли.
И всем деревьям деньги разменяли.
Природа спит, надев противогаз.
Не шевелится углекислый газ.
Не дышит свет на воду. В одеяле
спит стоя лес, уйдя в свои детали:
в столбы, в деревья, в щели, в лунку, в паз.
Природа спит, как длинный-длинный пас,
нацеленный в неведомые дали,
и крепко спит, не закрывая глаз,
и крепко спит, как профиль на медали.
И крепко спит, уткнувшись в параллели
своих прямых. И не глядит на нас*
[Еременко 2013: 131].

Медитативное настроение спящей природы реализуется посредством сплетения стихий света и воды в дыхании (свет ↔ дыхание ↔ вода), ухода в детали, приводящие читателя во все ту же реальность, в которой с помощью метаболического синтеза становятся однородными предметы природного и техногенного миров.

Этот пример доказывает, что метабола в поэзии А. Еременко может не только выполнять функцию создания контраста, гротеска, но и выражать медитативное настроение, рисовать, как определяет М. Липовецкий, «одомашненный хаос» [Липовецкий 2013: 354].

Таким образом, метабола, с помощью которой Александр Еременко создает гротескные образы «несоизмеримой» действительности, выполняет различные функции. Она может использоваться для создания трагизма при описании отчуждения лирического героя от родных, но скучных и однообразных мест. Также метабола в сочетании с концептуалистскими приемами является продуктивным способом выражения иронии над социалистической наукой, архитектурой и другими идеологическими штампами. Однако «третий троп» может выступать и как средство создания медитативного настроения, своеобразного принятия этой «несоизмеримой» действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов В. Заметки о «МЕТА» [Электронный ресурс] // Арион. 1997. № 4 // ВАВИЛОН. Современная русская литература. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/aristov.html> (дата обращения: 18.04.2019).

Аристов В. В. «Idem-forma» и границы миметического метода в современной поэзии // Новый метафизис. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 388 с. С. 301-311.

Зейферт Е. И. Метафора как индикатор проявления дословесного // Кормановские чтения : статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2016). Ижевск : Удмуртский университет, 2016. Вып. 15. С. 358-370.

Еременко А. Матрос котенка не обидит. Собрание сочинений. М. : Фаланстер, 2013. 376 с.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М. : «REFL-book», 1994. 608 с.

Ковалев П. А. Постмодернистские течения в русской поэзии и специфика современного литературного процесса. Орел : Изд-во ОГУ, 2013. 243 с.

Ковалев П. А. Техника стиха и техника в стихе: поэзия русского постмодернизма. Орел : ОГУ, 2008. 164 с.

Курицын В. «Центровой» Еременко // Дружба народов. 1991. № 9. С. 264-268.

Липовецкий М. Стихи Александра Еременко // Еременко А. Матрос котенка не обидит. Собрание сочинений. М. : Фаланстер, 2013. С. 337-368.

Масалов А. Е. К вопросу о структуре метабола в поэзии А. Ерёменко // Творчество Б.К. Зайцева и мировая культура : сборник статей : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. 20-22 апреля 2016 года. Орел, 2016. С.146-151.

Масалов А. Е. Метабола Алексея Парщикова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2 (75). С. 137-143.

Масалов А. Е. Семиотика метабола: семантика [Электронный ресурс] // Всероссийский научный конкурс «Лишь слову жизнь дана» на лучшую исследовательскую работу, 2018 // Международный экопросветительский фестиваль «Бунинские озерки». URL: <http://bunifest.ru/masalovalexeyevgenievich> (дата обращения: 18.04.2019).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 18.04.2019).

Парщиков А. Рай медленного огня. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

Северская О. И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. М. : Словари.ру, 2007. 126 с.

Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие. 6-е изд. М. : Флинта, Наука, 2007. 608 с.

Токарев А. А. Мета реализм как творческий метод Александра Еременко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 11 (65) : в 3-х ч. Ч. 3. С. 48-51.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 18.04.2019).

Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2005. 495 с.

REFERENCES

Aristov V. Zametki o «META» [Elektronnyy resurs] // Arion. 1997. № 4 // VAVILON. Sovremennaya russkaya literatura. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/aristov.html> (Access date: 18.04.2019).

Aristov V. «Idem-forma» i granitsy mimeticheskogo metoda v sovremennoy poezii // Novyy metafizis. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 388 s. S. 301-311.

Zeyfert E. I. Metafora kak indikator proyavleniya doslovesnogo // Kormanovskie chteniya : ctat'i i materialy Mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii (Izhevsk, aprel', 2016). Izhevsk : Udmurtskiy universitet, 2016. Vyp. 15. S. 358-370.

Eremenko A. Matros kotenka ne obidit. Sobranie sochineniy. M. : Falanster, 2013. 376 s.

Kerlot Kh. E. Slovar' simvolov. M. : «REFL-book», 1994. 608 s.

Kovalev P. A. Postmodernistskie techeniya v russkoy poezii i spetsifika sovremenno go literaturnogo protsess a. Orel : Izd-vo OGU, 2013. 243 s.

Kovalev P. A. Tekhnika stikha i tekhnika v stikhe: poeziya russkogo postmodernizma. Orel : OGU, 2008. 164 s.

Kuritsyn V. «Tsentrovoy» Eremenko // Druzhba narodov. 1991. № 9. S. 264-268.

Lipovetskiy M. Stikhi Aleksandra Eremenko // Eremenko A. Matros kotenka ne obidit. Sobranie sochineniy. M. : Falanster, 2013. S. 337-368.

Masalov A. E. K voprosu o strukture metaboly v poezii A. Eremenko // Tvorchestvo B.K. Zaytseva i mirovaya kul'tura : sbornik statey : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. 20-22 aprelya 2016 goda. Orel, 2016. S.146-151.

Masalov A. E. Metabola Aleksey a Parshchikova // Uchenye zapiski Or-lovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2 (75). S. 137-143.

Masalov A. E. Semiotika metaboly: semantika [Elektronnyy re-surs] // Vserossiyskiy nauchnyy konkurs «Lish' slovu zhizn' dana» na luchshuyu issledovatel'skiyu rabotu, 2018 // Mezhdunarodnyy eko-prosvetitel'skiy festival' «Buninskie ozerki». URL: <http://buninfest.ru/masalovalexeyevgenievich> (Access date: 18.04.2019).

Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] // Tolkovyy slovar' Ozhegova. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (Access date: 18.04.2019).

Parshchikov A. Ray medlennogo ognya. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 328 s.

Severskaya O. I. Yazyk poeticheskoy shkoly: idiolekt, idiosstil', sotsiolekt. M. : Slovare.ru, 2007. 126 s.

Skoropanov I. S. Russkaya postmodernistskaya literatura : ucheb. posobie. 6-e izd. M. : Flinta, Nauka, 2007. 608 s.

Tokarev A. A. Metarealizm kak tvorcheskyy metod Aleksandra Eremenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tam-bov : Gramota, 2016. № 11 (65) : v 3-kh ch. Ch. 3. С. 48-51.

Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] // Tolkovyy slovar' Ushakova onlayn. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (Access date: 18.04.2019).

Epshteyn M. N. Postmodern v russkoy literature : ucheb. posobie dlya vuzov. M. : Vyssh. shk., 2005. 495 s.

Данные об авторе

Масалов Алексей Евгеньевич – магистрант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы института филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел).

Адрес: 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

E-mail: uchkuduk202@gmail.com.

Author's information

Masalov Alexey – Graduate Student of the Department of Russian Literature of XX-XXI centuries and the History of Foreign Literature of the Institute of Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel).